

Министерство образования и науки РФ
Национальный исследовательский
Томский государственный университет
Филологический факультет ТГУ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВИСТИКИ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

Сборник материалов I (XVI)
Международной конференции молодых ученых
(9–11 апреля 2015 г.)

Выпуск 16

Издательство Томского университета 2015

- 2) принадлежность или непринадлежность к роду,
- 3) четкая иерархия.

Можно утверждать, что изучение лексики традиционного сибирского свадебного обряда в говорах Среднего Приобья позволяет уточнить семантическое наполнение обрядовых единиц. Лингвокультурологическое описание обрядовых слов, представленных в реальном описании свадебного обряда, будет способствовать установлению совокупности культурных коннотативных компонентов культурномаркированной лексики.

Примечания

1. *Таратынова Н. Ю.* Лексика свадебного обряда: дис.. канд.филол. наук// Н. Ю. Афанасьева. — П., 2007. — С. 4.
2. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка.//В.И. Даль — М., 1998. Т. 1— С. 503.
3. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка.//В.И. Даль — М., 1998. Т. 1— С. 123.
4. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка.//В.И. Даль — М., 1998. Т. 4— С. 486.

ПОПКОВА Д. С.

Традиционная сервировка крестьянского стола: лингвокультурологический аспект (по материалам говоров Среднего Приобья)

Прослеживается реализация лексем, номинирующих элементы сервировки крестьянского стола, их отношения и взаимодействие в приметах, обрядах, говорах.

Ключевые слова: стол, сакрализация лексем, обряд, примета, поверье

Традиционная сервировка крестьянского стола. Прежде всего, сервировка в данном контексте понимается как набор предметов, традиционно используемых в крестьянском быту для трапез. Набор есть абстрактная модель, собранная из контекстов и наименований, взятых из материалов картотек Лаборатории Общей и Сибирской лексикографии Томского государственного университета, из «Вершининского словаря» и «Полного словаря диалектной языковой личности», из народных примет и обрядов. Такая абстрактная модель представляется реальными предметами и номинациями: **ложка, тарелка, кружка**. Несомненно, на крестьянском столе есть и другая утварь, но отобранные наименования — это личный минимальный набор, предназначенный только для индивидуального пользования. Отсутствие этих предметов означало крайнюю бедность: *Мы два батрака поженились — ни чашки, ни ложки*. [Том. Яр.]

Каждый из этих трех предметов имел интегральную **утилитарную функцию**: кружка — ‘сосуд для питья в форме стакана с ручкой’¹, тарелка — ‘столовая посуда круглой формы с плоским дном и приподнятыми

краями², ложка — ‘столовый прибор для зачерпывания пищи’³. Эти предметы и их форма продиктованы особенностями традиционной русской пищи, которые справедливо отражает русская пословица: щи да каша — пища наша. Следовательно, в рационе русского человека были преимущественно жидкие или густые блюда, которые предполагали глубокую посуду и глубокий прибор для зачерпывания. Если некоторые номинации могут варьироваться в связи со схожестью их конфигураций и функций (кружка-стакан-чашка, тарелка-миска), то ложка жестко закреплена за своим местом, так как в русской культуре нет аналогичного по функции заменителя. Таким образом, предмет, а вслед за ним и номинация, приобретает особый статус в ряду других лексем, который дополняется новыми смыслами в **процессе сакрализации**, т.е. «обогащении значения слова абстрактной семантикой, раскрывающей представления народа об идеальном»⁴. Такой процесс реализуется в обрядах, ритуалах, обычаях, поверьях, приметах.

Наиболее сакральной единицей среди остальных является *ложка*, роль которой в сервировке стола центральна, так как связана с важнейшей в крестьянском полужызыческом сознании категорией **живое-мертвое**. Причем эта вещь как продолжение человека в мире живых также ассоциировалась с существованием души в мире мертвых. Ложки «помечали, избегали пользоваться чужими»⁵: *Чужому чашку он [кержак] не даст никому. Или ложку*⁶. Ложка, являясь частью быта и бытия человека, вступает в отношения **свое-чужое**. Считалось, что если кто-то поест твоей ложкой, то будут несчастья и беды. Также ложка ассоциируется с **женским** началом (как и вилка), а нож с **мужским**, что отражено в примете: «если упадет ложка или вилка, то придет женщина, а если нож — мужчина»⁷. Здесь же стоит отметить, что по размеру и статусу мужская ложка отлична от женской: мужская больше по размеру и другой формы, ею нельзя мешать пищу, иначе муж с женой поссорятся. Другая не менее важная категория для этого прибора — это категория **верх-низ**, включающая в себя соприкосновение с потусторонним миром и реализующаяся в расположении ложки на столе: выемкой вверх/вниз. Каждое положение имеет определенную семантику: ложка, лежащая выемкой вверх на столе в праздничные дни, понималась как знак почитания предков. Однако в разных регионах встречаются противоречия в этом поверье (выемкой вниз), хотя суть одна — в «переворачивании» предмета, что порождается традиционными представлениями о инаковости мира мертвых.

В поминальной обрядности ложку клали покойнику в гроб, тем самым обеспечивая ему достойную загробную жизнь. Иногда на ночь после помина оставляли ложки, поставленные на миску кругом, «если утром одну из них находили перевернутой»⁸, то считалось, что приходили предки.

Стоит выделить и другой аспект, также связанный с потусторонним миром. Традиционно ложки на Руси делались из дерева: *Раньше ложки деревянные были, глиняны были кружки. Делали сами ложки, ложками всё ели*⁹, но

постепенно в обиход крестьян начали входить изделия из металла: железа — *ложка, деревянна есь, железна* [Том. Верш.], алюминия — *Положила на матерьяле эту шторку, и ложкой ее люминевой* [Том. Верш.], который ассоциировался с нечистой силой и миром мертвых, поэтому распространены поверья и обряды, связанные с защитой человека от чужого мира. Запрещалось стучать ложками о стол или о посуду: это привлекает злыдней — «антропоморфных существ, воплощающих собой бедность и несчастье»¹⁰. По той же причине нельзя было класть ложку одним концом на стол, а выемкой на тарелку.

Этот предмет обладал необычной силой: на Руси из них делали обереги (защитная функция), а также ложки умерших, приобретая целительные свойства, использовались в народной медицине, а ложки живых — в любовной магии.

Кроме закрепленных единиц, номинирующих предметы традиционного крестьянского стола — кружка, тарелка, ложка, есь и дополнительные. К таковым относится вилка — «столовый прибор, представляющий собой ручку с несколькими длинными зубьями для захвата кусков пищи»¹¹. Она пришла в русскую культуру из Западной Европы в XVII веке, сначала распространилась в городе, затем в XIX веке в деревне, «до этого кусок пищи, отрезанный ножом, брали рукой или ложкой»¹². Но в сибирской культуре вилка не сравнялась по значению и статусу с ложкой (в источниках не встречается примеров, содержащих данную лексему в обрядовых текстах и поверьях), она так и осталась на периферии традиционного застольного этикета.

Список условных сокращений

Том. Верш. — Томский район, село Вершинино

Том. Яр. — Томский район, село Яское

Примечания

1. Вершининский словарь / Под ред. О. И. Блиновой: В 7 т. — Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2000. Т. 3. С. 174.
2. Вершининский словарь / Под ред. О. И. Блиновой: В 7 т. — Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2002. Т. 7. С. 31.
3. Вершининский словарь / Под ред. О. И. Блиновой: В 7 т. — Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2000. Т. 3. С. 241.
4. *Тараканова Д. А.* Символический компонент значения диалектного слова (на материале говоров Среднего Приобья / Д. А. Тараканова. Томск, 2012. С. 21
5. *Топорков А. Л.* Домашняя утварь в поверьях и обрядах Полесья // Этнокультурные традиции русского сельского населения XIX-начала XX в. / А. Л. Топорков — М., 1990. С. 91.
6. Вершининский словарь / Под ред. О. И. Блиновой: В 7 т. — Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2000. Т. 3. С. 242.
7. *Славянские древности* / Под ред. Н. И. Толстого: В 5 т. — М.: 2004. Т. 3. С. 130.
8. *Русская изба: иллюстрированная энциклопедия* / Д. А. Баранов — СПб.: Искусство-СПб, 1999. С. 82.

9. Вершининский словарь / Под ред. О. И. Блиновой: В 7 т.— Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2000. Т. 3. С. 241.
10. Байбурин А. К., Топорков А. Л. У истоков этикета / А. К. Байбурин, А. Л. Топорков.— Л.: Наука, 1990. С. 146.
11. Вершининский словарь / Под ред. О. И. Блиновой: В 7 т.— Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1998. Т. 1. С. 194.
12. Русская изба: иллюстрированная энциклопедия / Баранов Д. А., Баранова О. Г., Мадлевская Е. Л. и др. СПб.: Искусство-СПБ, 1999. С. 155.

СТОЛЯРОВА М. Н.

Языковая личность современного жителя провинции

Работа посвящена анализу речевых особенностей жителя п. Тяжинский Кемеровской обл. На материале смс-сообщений информанта выделены черты, присущие носителям диалекта и городского просторечия, а также особенности, характерные для творческой языковой личности. Поставлен вопрос о выделении нового типа языковой личности, к которому относятся выходцы из диалектной среды, испытавшие литературное влияние.

Ключевые слова: житель провинции, тип языковой личности, смс-сообщения

Исследование языковой личности (ЯЛ), под которой понимается «личность в совокупности социальных и индивидуальных черт, отраженная в созданных ею текстах»¹, является главной задачей лингвоперсоналогического направления современного языкознания. Одной из важнейших теоретических проблем в этой области является разработка типологии ЯЛ и выделение сущностных признаков каждого типа. Активно изучаются представители элитарной и народно-речевой культуры (известные писатели, публицисты, ученые и диалектоносители). Вместе с тем ЯЛ многих других социолингвистических классов еще практически не изучены; к ним относится и ЯЛ жителя провинции.

Объектом исследования в данной работе является ЯЛ Н. И. Столярова, 1956 г. рождения. Информант с трех лет проживает в п. Тяжинский Кемеровской обл., родители были выходцами из диалектной среды. Окончил 10 классов средней школы и СПТУ. Работал на станционном оборудовании, радистом на радиоузле; с 1998 г. — художник-оформитель в местной библиотеке. Много времени уделяет самообразованию, сейчас изучает программирование и английский язык. Человек религиозный, большую часть свободного времени проводит за чтением Библии; читает также энциклопедии, школьные учебники и сказки на английском языке. Проживает с дочерью-школьницей, общается преимущественно с родственниками и коллегами по работе.

Материалом исследования послужили 262 смс-сообщения информанта в переписке с дочерью-студенткой с 2012 по 2014 г. Цель исследования — выявление типологических черт исследуемой ЯЛ жителя современного провинциального города.